

ЛЮДИ ГОР

ОЧЕРК

Однажды готовил я для радио литературную передачу о творчестве карачаевского писателя Муссы Батчаева. И случилось так, как это бывает нередко. «Перебрал» пять минут, длиннее получилась передача, чем положено по программе. А программа — закон не менее суровый, чем любой другой: столько-то времени на все передачи и ни минутой больше. А это значит — или сокращайся сам, или кланяйся редакторам передач, граничащих с твоей. Может быть, уступят минутку-другую. Сократил я на сколько мог свой текст, больше вроде нечего. А передача в отведенные ей рамки все же не лезет.

И пошел я с челобитной к своему другу: подсократи твою программу на три минуты. Ну, он хоть и друг, а насупился сурово: эо, мол, заломил, целых три минуты. Ты бы еще пять попросил. Сокращайся сам.

Я объясняю, что уже сокращался, дальше некуда. Посмотрел он мой текст, согласился: верно, некуда. И вдруг видит, что в моей передаче еще целый рассказ Батчаева «Серебряный дед» запланирован.

— А рассказ ты сокращал?— спрашивает.

Тут я целую речь произнес, что художественное произведение нельзя так вот просто сокращать, что это не корреспонденция, не статья, не информация.

— Ничего,— отвечает мой друг,— все можно сократить. Давай этот рассказ сюда. Я тебе в два счета покажу, что там можно вырубить вполне безболезненно.

Я согласился, но с условием: если не найдет он в рассказе, что вычеркнуть можно, отдаст мне три минуты.

Долго вертел мой друг рассказ, и с начала читал, и с конца, не один раз вздымал он карандаш, но так ни разу и не опустил. Он был честный человек и честный редактор и не захотел увечить произведение ни во имя доказательства своей правоты, ни даже во имя своих трех минут, которые ему тоже были совсем не лишними. Он просто пошел и подрезал свою программу, чтобы рассказ «Серебряный дед» прозвучал по радио полностью.

Мне кажется, что этот случай, хотя и косвенно, но достаточно ярко характеризует литературное дарование Муссы Батчаева, плотность его письма, точность в отборе деталей, в построении сюжета. Как люди приходят в поэзию?

При ответе на этот вопрос просятся под перо различные романтические картины: синие горы, шипенье морских волн и пересекающая их лунная дорожка, аромат цветов и, конечно, любовь.

В случае с Муссой Батчаевым ничего подобного не было, Ничего, кроме гор, столпившихся вокруг уютного городка Карачаевска.

Была тесная комната общежития, где жили студенты Карачаевского пединститута, и были два соседа по комнате, которые в качестве поэтов оказались людьми шумными и восторженными. Их литературные споры, взаимные чтения стихов, вспыхивавшие даже ночью, мешали спать. И однажды, было это на пятом курсе, раздосадованный Мусса решил, что он, наверное, тоже сможет писать стихи. И написал. И они были опубликованы в

областной газете на карачаевском языке.

Так случилось, что Мусса Батчеев пришел в поэзию. Я нисколько не сомневаюсь, что талант все равно привел бы его туда, если бы и не было досады на шумных соседей. Просто случай, пусть даже и немного смешной, способствовал свершению того, что должно было свершиться. Так ведь нередко бывает в жизни, а в искусстве — сплошь и рядом.

И все-таки случай случаем, а два человека сыграли очень важную, так сказать, организующую роль в литературной судьбе Муссы Батчаева — преподаватель института Людмила Петровна Егорова и поэтесса Халимат Байрамукова. Первая привила Муссе любовь к чтению, раскрыла перед ним красоту и могущество слова, вторая активно способствовала развитию его дарования и много сделала для того, чтобы произведения Батчаева не остались рукописями, чтобы они увидели свет. Надо сказать, что Мусса довольно долго не верил, что сможет сделать в литературе нечто интересное. После окончания института он работал учителем в ауле Кумыш, писать продолжал, но никуда написанное не посылал. Именно стараниями Халимат Байрамуковой пришли к читателям его первые рассказы.

Только после областного семинара молодых писателей, в работе которого принимал участие Леонид Сергеевич Соболев, где произведения Муссы Батчаева были встречены с одобрением, он понял: надо писать всерьез. Случилось это в 1967 году. И вскоре появилась повесть «Когда осуждают предки», за которую Мусса Батчаев был удостоен областной премии Ленинского комсомола. Эта повесть впервые увидела свет на страницах альманаха «Ставрополье», а затем вошла в первую книгу писателя «Быть человеком», изданную в 1968 году.

Как-то я спросил Муссу Батчаева, почему он пишет прозу на русском языке, а стихи только на родном. И он ответил, что недостаточно хорошо знает русский, а поэзия требует особенной языковой

точности. В этом ответе опять сказались скромность, которая, как мне кажется, является одной из главных черт характера Муссы. Он пишет по-русски ярко, образно, афористично, удивительным образом сохраняя самобытный колорит и даже ритм речи горцев. Он умеет очень скупыми средствами создать буквально осязаемые картины. Вот несколько строк из рассказа «По закону жизни». Я не выбирал этих строк специально, просто открыл книгу и цитирую то, на что упал взгляд. Самое начало рассказа: «Хмурое будет лето — с большими дождями и маленьким солнцем. Не хочет ветер признать весны, совсем по-осеннему разговаривает. Дует без устали, не иссякает, будто река течет. Только на миг присядет за Синим хребтом, послушает небо и снова свистит и скачет шайтаном...

Озябшая орешина стучится в окно, вздрагивает, машет ветками, как птица летящая».

Я не напрасно подчеркнул случайность этой цитаты. Так написано все, что мне довелось читать у Муссы Батчаева, хотя можно было бы подобрать отрывок и более яркий.

Как-то в разговоре со мной Мусса сказал, что один из любимых его писателей — Достоевский с его трагизмом и сложными психологическими переживаниями.

Своих героев Батчаев тоже ставит в необычные, драматические, порой даже трагические обстоятельства, требующие от них напряжения всех душевных сил, ярко выявляющие силу и слабость человека, его истинные качества.

Есть одна особенность, присущая всем героям Батчаева, хотя люди они очень разные и по внешности, и по характеру, и по возрасту. Все они — люди гор, мужественные даже в минуты слабости, великодушные, обладающие своеобразным юмором. Кстати, юмор присущ многим произведениям Батчаева. И его первую книжку «Быть человеком» открывает рассказ, написанный именно в юмористических тонах. Называется он «Сколько у козла ног?»

По горной дороге едет на лошади старик. Вдруг на пути его оказывается молодой пастух и дерзко заявляет старику, что хочет с ним бороться. Оказывается, он дал клятву не пропускать по этой дороге ни одного путника, не положив его предварительно на лопатки.

Старик напоминает парню о своих почтенных годах, о слабости. Он предлагает сосчитать, сколько ног у козла, прибавить еще столько же, тогда станет ясно, сколько сыновей вырастил он, старик, и «...сын моего самого младшего сына уже старше, заметно умней и намного почтительней тебя...»

Но никакие увещания не действуют на дерзкого пастуха.

— У козла-то, старый, одна нога. Это совсем немного, так что... слезай,— отвечает он и почти стаскивает старика с седла.

Спокойно и крепко схватил старик парня за пояс, и тот мгновенно оказался лежащим на земле. Это одна нога у козла, считал старик, поднимая пастуха.

— А это будет два! У козла две ноги, свет глаз моих!— продолжал он, снова опрокидывая того на землю.

Восемь ног насчитал парень у козла. И только после этого старик отпустил его и уехал, посоветовав впредь не ошибаться в счете.

«...старики хитры,— пишет автор, — знают многое, их трудно сразу понять — их надо просто уважать. Так принято у нас на Кавказе».

Этим уважением проникнуты все произведения Муссы Батчаева. И не случайно в особенно трудном положении оказывается герой повести «Когда осуждают предки» Баград. Между ним и его любимой девушкой Ирмой становится бабушка — самый уважаемый, самый дорогой человек, чье слово всегда было законом для семьи, где не осталось в живых ни одного взрослого мужчины.

Бабушка не желает видеть своей невесткой русскую девушку, девушку другой веры, как она выражается.

Трудно, очень трудно выступать

против вековых предрассудков, даже когда их отстаивают чужие, посторонние тебе люди, вдвойне и втройне труднее, когда твоим противником становится любимая бабушка. Тяжелую борьбу с самим собой выдерживает Баград и выходит из нее победителем. Мы расстаемся с героями повести как бы на перепутье, дальнейшая судьба их неизвестна. Но ясно, что Баград, предавший свою любовь, выдержавший первое жизненное испытание, должен остаться человеком гордым и честным, не склоняющим головы перед обстоятельствами.

Жизнь предстает в произведениях Батчаева многогранной: гармоничной и в то же время исполненной противоречий. На первый взгляд кажутся противоречивыми и сами произведения. То же уважение к старшим, которым знамениты горцы. В рассказе «Сколько у козла ног?» автор воспевает это уважение, а в повести «Когда осуждают предки» словно бы выступает против него. Где же истина? Очевидно, и там и там. Баград не перестает любить и уважать бабушку, но он не может примириться с тем, что предрассудки мешают ему жить. И он идет против течения. Это трудно, это больно, но это необходимо.

Ведь любое, самое замечательное правило, самая великолепная традиция оборачиваются несчастьем, если им следовать слепо и бездумно. Источником многих трагедий было и безропотное подчинение старшим, когда они, цепляясь за обветшалые догмы, тянули за собой в пропасть и молодых, а те не имели мужества сказать «нет» и пойти своей дорогой.

Во многих рассказах Муссы Батчаева присутствует война. Это неудивительно. Потому что она навсегда осталась в памяти тех, кого коснулась в той или иной мере, был ли человек в то время солдатом или ребенком.

И в этих рассказах Батчаева герои оказываются в кризисных ситуациях, и здесь они должны делать и делают решающий выбор.

Пастух по прозвищу

«Смеющийся» из рассказа «Белая скала» невольно привел фашистов к месту, где прятались эвакуированные евреи. И, только увидев наведенные на людей автоматы, он понял свою ошибку.

«Смеющийся начал понимать, что совершил преступление. А когда тот самый человек, который хорошо рисовал, приставил пистолет к уху одной из женщин, ему стало ясно — это начало страшного конца. Он выбросил вперед руки, схватил человека с пистолетом за плечи и гневно сверкнул глазом. Тот, изумленный и взбешенный, выстрелил в лоб пастуху. Пуля содрала кожу. Боли не было, была властно нахлынувшая ярость... Высоко подняв над собой стрелявшего, Смеющийся шагнул к бездне...»

В маленьком домике далеко в горах — двое, двое убежавших от военкоматской повестки, от фронта, от вражеской пули. Так и рассказ называется — «Двое». Аббас, избравший судьбу дезертира вполне сознательно, полностью уверенный в своей правоте, и Мугаталим, поддавшийся минутной слабости и уговорам приятеля, страдающий, мятущийся, искренне переживающий свою ошибку. Как жить дальше? Как вернуться к людям с грузом позора на плечах? Может быть, пойти сейчас? Не простят! А если и простят, то не забудут. «Мудро сказано древними, позор — длиннее жизни».

И Мугаталим находит выход, с его точки зрения, единственный. Он повесился, а предварительно связал Аббаса сыромятным ремнем.

Анализируя творчество Муссы Батчаева, критик Валерий Гейдеко пишет в книге «Проба характера» о рассказах «Белая скала» и «Двое»:

«Две разные истории, но у них общий нравственный стержень. М. Батчаева рассказывает о случаях, когда человек виноват лишь косвенно, когда на его стороне есть смягчающие вину обстоятельства. Когда, наконец, с оговорками и допущениями человека этого могут оправдать... Но он отказывается от каких-либо уловок, он

берет на себя вину полностью — и в искуплении этой вины умирает как человек».

Книгу «Быть человеком» предваряет эпиграф из стихов Евгения Винокурова:

«Двадцатый век! Бродивших по дорогам среди пожаров к мысли привело: легко быть зверем и легко быть богом, быть человеком — это тяжело!»

Этот эпиграф может, как мне кажется, служить ключом ко всему творчеству Муссы Батчаева. Он пишет о том, что значит быть человеком в самом высоком значении этого слова. Пишет об этом и в прозе, и в стихах. Мусса — автор поэтического сборника «Раздумья». Правда, стихи его русскому читателю практически не известны, они написаны на родном карачаевском языке.

Я знаком с некоторыми поэтическими произведениями Батчаева в подстрочных переводах. Правда, такое знакомство дает возможность узнать скорее содержание стихов, чем их художественный уровень. И все-таки, несмотря на все потери при таком переводе, можно уловить мысли автора и систему образов, при помощи которых воплощает он эти мысли в стихах.

В одном из стихотворений возникает образ моря, которое некто ненавидящий свободу заковал в скалистые берега, словно окружил крепостями из гранита.

Вот как звучит подстрочный перевод, второй части стихотворения:

Не забыло море свободу...

Кто видел его спокойным?!

Оно борется! Полная гнева волна бросается грудью на гранит и разбивается, но за нею сразу рождается готовая к бою волна...

И камень понемногу сдается.

Борись, море! Рожай мужество в волнах,

Будущий день борющегося прекрасен,

А тому, кто с ярмом смирится,— проклятье,

А тому, кто привыкнет к

оковам,—

сто проклятий.

И здесь та же, что и в прозе, поэтизация борьбы, и здесь образный разговор с читателем о том, что значит быть настоящим человеком.

Я мало знаком с поэзией Муссы Батчаева, чтобы судить о ней с достаточной определенностью. Поэтому позволю себе сослаться на мнение известного советского поэта Давида Кугультинова. Некоторое время назад состоялся пленум Правления Союза писателей РСФСР, посвященный творчеству молодых писателей России. Делая доклад о молодой поэзии, Давид Кугультинов сказал:

«Мусса Батчаев пишет стихи по-карачаевски и столь же поэтическую прозу по-русски. Для его творчества характерны раздумья о Родине, о судьбе народа и смысле жизни. Он умеет убедительно и по-своему сказать о том, что считается привычным, давно известным, умеет находить точные слова, создавать зримую картину изображаемого».

Кстати, имя Муссы Батчаева упоминалось на пленуме и в докладе о прозе, где его работы тоже получили высокую оценку.

Мне хочется привести одно стихотворение Батчаева полностью. Перевод его осуществил писатель Георгий Шумаров. Сам автор считает перевод точным.

ЖУРАВЛИ

По застекленным лужам
Тяжкая осень шагает.
Уже золотые листья
не упадут, звеня.
Стынут, как груди,
горы,
схваченные снегами,
и, словно горы, стынет
осенью грудь моя.
А под туманами в небе,
будто последние листья,
желтея и удаляясь,—
последние журавли.
Там за горами море,

близкое и неблизкое,
теплое и чужое,
вспыхивает вдали.
Ах, я и сам полетел бы,
туман разогнав крылами,
на ваш непонятный берег,
где синяя ночь горяча,
если б не эти горы,
схваченные снегами,—
стылые и родные.
Осень пришла в Карачай.

Мусса Батчаев по-прежнему живет в ауле Кумыш, который считает самым лучшим аулом, среди родных гор, среди людей, которые, вроде бы, давно знакомы и привычны, но которые могут вдруг повернуться к тебе неожиданной стороной, поразить мужеством, великодушием, мудростью.

А читателей ждут новые встречи с новыми книгами писателя, с людьми гор, героями его произведений.

Выходит книга Муссы на карачаевском языке, а он работает над сборником из трех повестей, условно названным «Горизонт бескрылых».

Об этой будущей книге автор говорит так:

— Книга, в основном, о людях, которые по разным причинам, как в жизни бывает, попали в драматические обстоятельства, и о том, как они выходят из положения, не теряя своего человеческого звания.

Итак, снова та же тема. Верность ей свидетельствует о том, что для автора она не случайна, что он говорит с читателем о самом для себя главном, о чем не может не говорить. Говорит искренне, взволнованно, талантливо.

ВАДИМ БЕЛОУСОВ.